

5 ДЕК 1977

Вечерний Новосибирск  
г. Новосибирск

# ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

## К 75-летию со дня рождения И. И. Соллертинского

«Немного было людей, так горячо и страстно любивших музыку, как Соллертинский».

Д. ШОСТАКОВИЧ.

Трудно прищипить к стене солнечный зайчик. Трудно объяснить, что такое война. Трудно, очень трудно рассказать в короткой газетной строке об Иване Ивановиче Соллертинском.

Казалось, всю свою жизнь он опровергал слова, оброненные однажды гениальным Ференцем Листом: «Люди не прощают художнику, если он стремится проявить себя в разных сферах. Горе ему, если он окажется равно талантлив во многих областях. То, что разрешается любителю, запрещено... профессионалу».

— Все девять муз равно дороги моему сердцу, — говорил И. И. Соллертинский. Его обвиняли в измене «своему» делу филологии и музыкальные критики, театроведы и языковеды, историки и журналисты. Он был блистателен всюду. И остался в истории советской культуры как явление неповторимое.

Еще при жизни он стал легендой. Приезжавшие на гастроли в Советский Союз музыкальные знаменитости, как один, просили познакомиться их с человеком, «который знает пятьдесят языков». Его вступительное слово к концертам нередко было интересней самих концертов. О памяти его сказано столько, что всего и не припомнишь...

Иван Иванович Соллертинский оставил значительное наследие, во многих областях — даже психологи считали его «своим», — но особенно велик его вклад в развитие советской музыки и музыковедения. Художественный руководитель Ленинградской филармонии, профессор консерватории — это была фигура в музыкальном мире 20—30 годов, пожалуй, самая значительная.

Деятельность педагога, музыковеда, общественного деятеля он сочетал в себе с необыкновенной широтой. Классическими стали работы И. И. Соллертинского по проблемам симфонизма и оперной драматургии. Он первым из советских музыковедов определил генезис творчества Берлиоза, его монография о композиторе-сатирике Оффенбахе до сих пор остается лучшей из работ, посвященных этому композитору. Знания его были паразитичны, вкус безупречен. Именно благодаря ему в репертуаре советских музыкантов появились многие несправедливо забытые шедевры.

Кроме того, И. И. Соллертинский много писал. С 1927 по 1941 годы им было опубликовано более 80 только рецензий на спектакли ленинградских театров. Причем в совсем маленькую заметку он умел вложить столько мыслей, что даже специалисты разводили руками. Новосибирцы на протяжении двух лет имели счастье читать рецензии И. И. Соллертинского. Сюда он приехал вместе с эвакуировавшейся Ленинградской филармонией.

4 сентября 1941 года эшелон прибыл в Новосибирск, а уже через месяц открылся филармонический сезон. Город получил великолепный оркестр. Не все верили, что в тяжелых условиях эвакуации прославленный коллектив сможет работать в полную силу. Предлагалось даже перевести оркестр на исполнение вальсов Штрауса, пьес Дунаевского, попури на темы опер.

Вот что отвечал (через газету «Советская Сибирь») этим людям Соллертинский: «В предстоящем сезоне в Новосибирске Ленинградская филармония ставит своей целью показать лучшее, что создано в мировой классической музы-

кальной культуре и советской музыке».

Пятая и седьмая симфонии Шостаковича, симфония памяти Кирова Мурадели, фортепьянные концерты Хачатуряна — эти произведения, вошедшие в золотой фонд советской музыки, были вскоре представлены новосибирцам.

Соллертинский работал с оркестром, Соллертинский читал лекции, выступал по радио, в красноармейских чашках. Именно его огромная популяризаторская работа во многом привела к тому, что концерты стали пользоваться огромной популярностью. И. И. Соллертинский заставлял полюбить, понять классическую музыку. И когда в Новосибирске была исполнена «Пульчинелла» Стравинского — произведение, которого не было в репертуаре даже московских оркестров, — публика оценила это по достоинству.

Лекции в институте военных инженеров транспорта и в размещенном в Новосибирске Ленинградском институте искусств, гастрольные поездки по городам Сибири, огромная переписка, выступления в библиотеках — у Соллертинского хватало времени на все.

Однажды к нему обратились с просьбой помочь разобрать книги иностранного отдела публичной библиотеки, и Соллертинский с радостью согласился. Во время этой работы он с удивлением обнаружил, что знает двадцать три языка и около ста диалектов...

Верный своей натуре, он и здесь не мог служить одной только музе. В новосибирском Доме Красной Армии им был прочитан цикл лекций для высшего офицерского состава о... великих полководцах всех стран и эпох. Причем, во время лекции о «Бородинском сражении» он тут же мелом нарисовал на доске схему расположения редутов и батарей. А своими соображениями о том, почему не была вовремя использована русская артиллерия, покорила весь генералитет.

Его звали из Новосибирска в Москву, но он не хотел, да и не мог оставить филармонию, которой отдал пятнадцать лет жизни.

...В феврале 1944 года Иван Иванович Соллертинский умер. Был ему в то время всего сорок один год.

И. И. Соллертинский был явлением, безусловно, феноменальным. Одни говорят, что это человек из энциклопедического прошлого, другие видят в нем человека из будущего. Кто знает, может быть, правы и те, и другие. Охватить мир в его единстве и целостности пытался этот человек.

Но, уходя в прошлое и забегая в будущее, он всегда оставался сыном своей эпохи. Прежде всего он был общественным деятелем. Меньше всего это остроумный, саркастический человек напоминал кабинетного ученого. Самые значительные его исследования рождались в процессе споров и диспутов. И они вносят значительный вклад в споры и диспуты сегодняшние.

— Вы ведь помните... — часто говорил И. И. Соллертинский, цитируя Платона, Марселя Пруста или партитуры симфоний Малера, Брукнера. Он искренне полагал — то, что известно ему, должно быть известно каждому культурному человеку.

— Помните, у Соллертинского? — чаще хотелось бы слышать такую фразу. Потому что без Соллертинского культура наша станет бедней.

Л. ГЕОРГИЕВ.

428